ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

РУССКОЙ ПРАВДѢ

П. МРОЧЕКЪ-ДРОЗДОВСКАГО.

Выпускъ I.

Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

ОПЫТЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ИСТОЧНИКОВЪ ПО ВОПРОСУ О ДЕНЬГАХЪ

РУССКОЙ ПРАВДЫ.

П. Мрочекъ-Дроздовскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

Прошло около полутораста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый въ нашей исторіографіи *В. Н. Татищевъ* открылъ въ одномъ изъ списковъ Новгородской лѣтописи *Русскую Правду*.

Въ теченіе этого долгаго времени найдены еще многіе списки этого драгоцѣннаго памятника древнерусской письменности и права; появилось нѣсколько изданій того или другаго списка или сводовъ изъ нѣсколькихъ списковъ; возникъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, или исключительно посвященныхъ объясненію и разработкѣ нашего памятника, или же касающихся его по связи съ другимъ предметомъ изслѣдованія. Но, не смотря на обширную литературу о Русской Правдѣ, не смотря, далѣе, на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ изслѣдованій о ней,—дѣлу объясненія и разработки нашего памятника еще далеко до желаннаго конца, наши ученые еще не сказали о Русской Правдѣ послѣдняго слова, и—скоро-ли оно будетъ сказано?

Относительно ученой разработки особенно посчастливилось, такъ сказать, *внѣшней сторонѣ* Правды: вопросамъ объ ея происхожденіи, составѣ, времени дѣйствія, о спискахъ, ихъ сходствахъ и различіяхъ; относительно послѣдняго вопроса не только самымъ замѣчательнымъ, но до сихъ поръ и, какъ кажется, еще надолго впредь единственнымъ является трудъ *Н. В. Калачева: Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объ-*

ясненія Русской Правды (М. 1846 г.). Калачевъ собралъ, описалъ всѣ доселѣ извѣстные списки Правды и представилъ на основаніи этого богатаго матеріала *сводный списокъ*, предваривъ свое описаніе обстоятельнымъ обзоромъ и критикою предшествующей литературы предмета.

По отношенію къ вопросамъ о происхожденіи, составѣ, времени дѣйствія нашего памятника должно сказать, что этихъ вопросовъ касались многіе писатели, не только изучавшіе Русскую Правду, какъ исключительный предметъ изслѣдованія, какъ, напр., *Э. С. Тобинъ* (E. S. Tobien.) [1]), но и писатели, касавшіеся лишь стороною и болѣе или менѣе подробно вопроса о Русской Правдѣ въ связи съ главнымъ предметомъ своего изслѣдованія. Въ ряду послѣднихъ особенно подробно и поучительно изслѣдовалъ эти вопросы профессоръ *Н. Л. Дювернуа* въ своемъ почтенномъ трудѣ: «*Источники права и судъ въ древней Россіи*» (М. 1869 г. стр. 44—155). Въ этой книгѣ даровитому изслѣдователю удалось выработать теорію происхожденія и состава Русской Правды настолько убѣдительную, что при нынѣшнемъ состояніи вопроса о нашемъ памятникѣ и его разработки—предположенія г. Дювернуа могутъ быть приняты, по крайней мѣрѣ, за наилучшія.

Я говорю, *предположенія*... Въ самомъ дѣлѣ: вопросы о происхожденіи, составѣ и времени дѣйствія Правды Русской не могутъ быть окончательно рѣшены, пока, съ одной стороны, не будутъ разысканы и изслѣдованы всѣ наличные списки памятника, ибо кто можетъ ручаться за то, что всѣ они въ существенныхъ чертахъ совершенно подобны доселѣ найденнымъ? Быть можетъ, въ нихъ отыщутся такіе варіанты или такая разница въ размѣщеніи отдѣльныхъ статей, которые сразу измѣнятъ всѣ до сихъпоръ ходячія мнѣнія относительно того или другаго вопроса и, быть можетъ, продиктуютъ намъ единственно вѣрное его рѣшеніе. Но гораздо важнѣе, съ другой стороны, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію означенныхъ *внѣшнихъ* вопросовъ, изслѣ-

довать нашъ памятникъ съ *внутренней стороны*, т.-е. прежде всего объяснить, истолковать его, указать на слѣды его институтовъ и отдѣльныхъ постановленій въ позднѣйшихъ памятникахъ права, пока эти слѣды не исчезаютъ совершенно въ новыхъ формахъ, въ новыхъ институтахъ, явившихся во времена болѣе широкаго праворазвитія. Наконецъ вопросъ о происхожденіи *Правды Русской*, а равно и объ ея составѣ и постепенномъ сложеніи долженъ окончательно разрѣшиться на почвѣ ея сравненія съ древними законами (*правдами*) славянскими, германскими, сѣверными, а для того, чтобы уяснить послѣдующее вліяніе Христіанства на первобытное грубое правосознаніе Славяноруссовъ—язычниковъ, вліяніе образующее, какое всюду оказывала Христова Вѣра и Церковь на человѣческія общества и право: чтобы уяснить, говорю, это вліяніе и на Правду Русскую, необходимо обратиться къ розысканіямъ въ Византійскомъ Правѣ *гражданскомъ и церковномъ* [2]).

Таковы широкіе предѣлы задачи того кто задумаетъ окончательно порѣшить съ Русской Правдой, сказать о ней *послѣднее слово*. Но несомнѣнно (и для насъ весьма важно) то, что въ дѣлѣ полнаго изслѣдованія нашего драгоцѣннаго памятника рѣшенію вышепоставленныхъ вопросовъ долженъ предшествовать цѣлый рядъ изслѣдованій по содержанію его, причемъ началомъ этихъ изслѣдованій является объясненіе памятника съ филологической и историко-юридической точекъ зрѣнія.

Одинъ изъ нашихъ историковъ, покойный *М. П. Погодинъ*, которому принадлежитъ незабвенная въ нашей исторической наукѣ честь полнаго собранія и всесторонняго освѣщенія источниковъ нашей домонгольской исторіи и которому мы обязаны многими цѣнными совѣтами и указаніями, обильно разсѣянными въ его «*Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской Исторіи*»,— Погодинъ, касаясь вполнѣ, впрочемъ, почтеннаго труда Калачова о Русской Правдѣ, сказалъ слѣдующія полныя значенія слова:

«Г. Калачевъ вздумалъ самую Русскую Правду раздѣлить по категоріямъ новой науки, и Правда у него, разумѣется, пропала... Спрашивается,—не достигласъ-ли бы цѣль трудолюбиваго автора, еслибъ онъ, объяснивъ свой памятникъ въ цѣломъ его видѣ, представивъ намъ полную картину, предложилъ бы въ заключеніе результаты настоящихъ своихъ изслѣдованій, и сказалъ-бы: такія то статьи (sic) принадлежатъ къ народному праву, такія то статьи принадлежатъ къ государственному, уголовному праву и т. п.» [3]). Эти слова одного изъ трудолюбивѣйшихъ и ученѣйшихъ нашихъ писателей заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, ту вѣрную мысль, что толкованіе древнеправоваго памятника должно предшествовать всякому другому дѣлу по его изслѣдованію; имъ должны открыться изслѣдованія и о Русской Правдѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: изученіе памятниковъ права, лежащее въ основѣ всякаго серьезнаго изслѣдованія какого-бы то ни было историко-правоваго вопроса, всякаго дѣльнаго и плодотворнаго разсужденія о томъ или другомъ предметѣ историко-правоваго вѣдѣнія, невозможно безъ толкованія. Прежде всего древній правовой памятникъ долженъ говорить понятнымъ изслѣдователю языкомъ, а равномѣрно долженъ въ глазахъ его являться неразрывною частью того юридическаго быта, при которомъ онъ жилъ, дѣйствовалъ и который его создалъ. Истина простая: чтобы *знать*, надобно *понимать*, но тѣмъ не менѣе я считаю себя въ полномъ правѣ напомнить эту истину, приступая къ изслѣдованіямъ о Русской Правдѣ. Всякій, кто хоть бѣгло просматривалъ обширную литературу о нашемъ памятникѣ, знаетъ какъ мало согласія между отдѣльными писателями относительно пониманія различныхъ статей этого памятника, откуда проистекаютъ различныя и даже противоположныя сужденія о тѣхъ или другихъ институтахъ нашего древняго права, различныя теоріи, касающіяся права, процесса, строя управленія нашихъ предковъ. Въ этихъ теоріяхъ или, по крайней мѣрѣ, во многихъ изъ нихъ мысли основательныя,

плодъ близкаго знакомства съ историческими данными, перемѣшиваются съ неосновательными предположеніями, а иногда и прямо съ увлеченіями и вымыслами слишкомъ воспріимчиваго воображенія... Есть и попытки толкованій, но эти попытки большею частью ограничиваются объясненіемъ устарѣвшихъ и трудно понимаемыхъ словъ памятника, причемъ нерѣдко случайное сходство звуковъ, а иногда и просто предубѣжденіе и неразлучная съ нимъ натяжка рѣшаютъ норманское, германское, греческое, славянское или какое-либо иное происхожденіе того или другаго слова. Въ послѣдующихъ выпускахъ своихъ *Изслѣдованій* я оправдаю сказанное здѣсь фактами; теперь же достаточно однихъ безъименныхъ указаній.

Въ концѣ концовъ нельзя не сознаться что, не смотря на всѣ усилія цѣлаго ряда знатоковъ и изслѣдователей нашихъ древностей, мы до сихъ поръ стоимъ предъ Русской Правдой, какъ предъ загадкой, теряемся въ объясненіи ея языка, ея понятій и постановленій; вмѣстѣ съ этимъ, не понимая Русской Правды, мы плохо знаемъ и ту давно угасшую жизнь, въ строѣ которой Правда была основнымъ тономъ, основною мыслію. Причина этого—въ отсутствіи *правильнаго объясненія*, или *толкованія*, древней русской Правды, давно умолкшей, умершей и погребенной подъ тяжелыми слоями позднѣйшаго, петербургскаго законодательства.

Но на чемъ-же должно основываться такое *правильное объясненіе*? Гдѣ источники для него?

Безъ сомнѣнія, въ памятникахъ письменности и права, пока въ нихъ встрѣчаются указанія на то или другое понятіе, на то или другое выраженіе или институтъ, которые находятся и въ Правдѣ или же которые носятъ на себѣ слѣды болѣе или менѣе близкой связи съ Правдой. При этомъ, однако, нельзя довольствоваться лишь однѣми *избранными мѣстами*,—для этого необходимо, по возможности и смотря по дѣлу, не пропускать ни единой іоты, ни черты единой при чтеніи и изученіи памятниковъ

письменности и права: подобно тому, какъ дѣлалъ Погодинъ съ лѣтописями и какъ дѣлали другіе изслѣдователи по частнымъ вопросамъ нашихъ древностей. Повременный сводъ лѣтописныхъ и иныхъ данныхъ долженъ предшествовать толкованію и сопровождать его, причемъ объясненіе памятника въ цѣломъ должно предшествовать разсмотрѣнію частей его. Погодинъ, которому принадлежитъ и приведенное сейчасъ правило толкованія [4]), въ одномъ изъ болѣе раннихъ выпусковъ или томовъ своихъ *Изслѣдованій* предлагаетъ цѣлую программу тѣхъ *отдѣльныхъ операцій*, которыя, по его мнѣнію, слѣдуетъ произвести надъ Русской Правдой. Эта программа сходна съ тою, какую я предлагаю выше; разница только въ хронологическомъ порядкѣ *операцій*: такъ, Погодинъ ставитъ изслѣдованіе и объясненіе языка памятника послѣ тѣхъ *операцій*, которыя можно произвести только на основаніи такого изслѣдованія и объясненія, какъ то: послѣ доказательства подлинности Правды, нахожденія и отдѣленія въ ней началъ скандинавскаго, славянскаго, христіанскаго и т. п. [5]) Кромѣ того, однимъ объясненіемъ языка, по моему, дѣло ни въ какомъ случаѣ не должно ограничиваться: необходимо толкованіе не только филологическое, но и историко-юридическое, состоящее въ изслѣдованіи и разъясненіи связи правовыхъ понятій и институтовъ Правды съ тогдашнею жизнью, какъ намъ рисуютъ ее лѣтописи, памятники права и иные памятники нашей древней письменности. Впрочемъ, по всей вѣроятности, это требованіе выставляется и Погодинымъ въ словахъ: «показать отношенія ея (Правды Русской) къ Русской Исторіи».

Разсматривая литературу нашего памятника, нахожу то же, что нашелъ и Погодинъ въ 1846 году относительно тогдашней научной постановки вопроса: по всѣмъ отдѣламъ установляемой программы произведены опыты, болѣе или менѣе широко охватывающіе вопросъ, значительно увеличившіеся въ числѣ сравнительно съ погодинскимъ временемъ (о качествахъ я здѣсь не говорю).

къ этимъ опытамъ я, какъ тогда Погодинъ къ бывшимъ до него, присоединяю и свой.

Цѣль моихъ *Изслѣдованій о Русской Правдѣ* состоитъ въ томъ, чтобы, отпечатавъ текстъ двухъ первыхъ древнѣйшихъ *фамилій* памятника съ необходимыми дополненіями третьей *фамиліи* и съ варіантами по печатнымъ спискамъ, объяснить его съ указанныхъ точекъ зрѣнія на основаніи также указаннаго матеріала и, затѣмъ,— представить содержаніе Русской Правды въ систематическомъ видѣ, раздѣляя статьи ея по категоріямъ науки права. При этомъ въ первомъ отдѣлѣ моего труда будутъ сосредоточены главнымъ образомъ толкованія граматическія и данныя исторіи, служащія къ разъясненію того или другаго слова и его употребленія въ нашемъ древнемъ языкѣ; во второмъ же отдѣлѣ будутъ *сосредоточены толкованія историко-юридическія:* эти послѣднія должны представить намъ Правду, такъ сказать, въ движеніи, въ дѣйствіи и указать на ея связь со всей послѣдующей исторіей нашего права и законодательства, пока такая связь существовала, пока голосъ старой Правды не умолкъ окончательно предъ явленіями новой жизни, выработавшей иныя болѣе сложныя понятія, иной бытъ, иной строй правосознанія. Какъ и въ какихъ границахъ будетъ выполненъ мною этотъ трудъ, постараюсь объяснить въ предисловіи къ слѣдующему выпуску *Изслѣдованій*, который не замедлитъ выйдти въ свѣтъ; тамъ же будутъ представлены и основанія тѣхъ пріемовъ, которые употреблялись мною при этомъ, теперь считаю достаточнымъ указать на свою программу лишь въ общихъ чертахъ и перехожу къ предмету настоящаго выпуска.

Приступая къ толкованію Правды Русской, изслѣдователь немедленно наталкивается на вопросъ о денежной системѣ этого памятника. Уклониться отъ посильнаго рѣшенія или, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣнія этого вопроса нѣтъ никакой возможности: иначе многое въ нашемъ памятникѣ останется непонятнымъ, а

иное—понятнымъ не съ надлежащей полнотой и опредѣленностью. Размѣры взысканій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оцѣнки домашнихъ животныхъ, хозяйственныхъ продуктовъ, нѣкоторыя статьи права гражданскаго (напр., постановленія *о рѣзахъ*, или процентахъ): все это будетъ намъ мало понятно, если мы предварительно не заручимся свѣдѣніями *о гривнѣ* и ея частяхъ; а нѣкоторыя весьма важныя постановленія Правды безъ такихъ свѣдѣній представятся какъ-бы сплошною ошибкою писца.

Если оцѣнки домашнихъ животныхъ выражены въ *гривнахъ*, *рѣзанахъ*, то, очевидно, для ихъ пониманія необходимо знать, что такое *гривна и рѣзана* и какое отношеніе этихъ единицъ между собою; если, далѣе, въ позднѣйшей редакціи этихъ оцѣнокъ мы видимъ измѣненія какъ въ единицахъ—вмѣсто *рѣзанъ* встрѣчаются *куны*—, такъ и въ цифрахъ: вмѣсто *60 рѣзанъ 7 кунъ* [6]), то изъ *этого можно сдѣлать тотъ или другой выводъ только* узнавъ, что такое *куна* и каково ея отношеніе къ *гривнѣ*, *рѣзанѣ*; стало-быть, только въ такомъ случаѣ можно понять смыслъ этихъ измѣненій: не говорю уже о томъ,что лишь при этомъ условіи можно отвѣтить на вопросъ объ измѣненіи цѣнъ на данные имущественные объекты въ разныя времена жизни древней Руси.

Статьи о содержаніи нѣкоторыхъ княжескихъ чиновниковъ, какъ-то: *поклонъ*, или *урокъ вирный*, *уроки городнику*, *мостнику*, статьи имѣющія не маловажное значеніе по вопросу о древнерусскомъ управленіи, могутъ быть разъяснены только при условіи обладанія свѣдѣніями о денежной системѣ Правды: безъ этого онѣ представятся простымъ наборомъ непонятныхъ словъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, при отсутствіи тѣхъ же свѣдѣній останутся необъясненными нѣкоторыя отношенія между старшими и младшими членами древнерусской служилой іерархіи, тогда какъ въ противномъ случаѣ эти отношенія могутъ быть до нѣкоторой степени уяснены. То же должно сказать и о позднѣйшихъ инвентаряхъ, смыслъ и значеніе которыхъ находятся въ тѣсной связи съ денежной си-

стемой даннаго времени. Кромѣ того, сущность древняго воззрѣнія на различныя преступленія и соотвѣтствующія имъ наказанія, на различныя сдѣлки гражданскаго оборота, словомъ: содержаніе большей части памятника уяснится намъ только при условіи знакомства съ разсматриваемымъ здѣсь вопросомъ; наконецъ, иногда самая связь отдѣльныхъ статей Правды между собою можетъ быть возстановлена, несмотря на раздѣляющія *писанія* большой части списковъ, то же при помощи этихъ свѣдѣній.

Такъ важенъ вопросъ о древней *гривенной* или *кунной* системѣ для пониманія Русской Правды; его значеніе велико не только въ археологическомъ, но и въ историко-юридическомъ смыслѣ. Понятно послѣ этого, что рѣшеніе даннаго вопроса является ключемъ для толкованія нашего памятника.

Въ нашей исторической литературѣ этотъ вопросъ былъ неразъ возбуждаемъ, и древнерусскія деньги вообще разсматривались и съ нумизматической, и съ исторической точекъ зрѣнія; равномѣрно, и относительно денежной системы древнѣйшей, до XIV вѣка, нѣтъ недостатка ни въ критикѣ источниковъ, ни въ историческихъ изысканіяхъ, ни въ догадкахъ и предположеніяхъ. Труды по этой части украшаются именами заслуженныхъ нашихъ историковъ и историковъ-юристовъ,—именами Круга, Карамзина, Соловьева, Бѣляева, Лешкова и др. Но за всѣмъ тѣмъ вопросъ о деньгахъ Русской Правды до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно и безспорно, и если въ настоящее время можно считать въ достаточной степени выясненными вопросы о *матеріалѣ* денегъ того времени,—были-ли онѣ металическія или какія либо иныя; о первоначальной величинѣ главной единицы этой системы, *гривны*; даже объ отношеніи этой послѣдней къ позднѣйшему рублю, то все-таки цѣлый рядъ другихъ вопросовъ остается еще невыясненнымъ; таковы, напр., весьма важные вопросы—о взаимномъ отношеніи единицъ этой древней денежной системы между собою, о срав-

нительной величинѣ гривны въ разное время и ин. Эти вопросы получаютъ и до сихъ поръ разнообразныя рѣшенія, какъ это видно изъ прилагаемаго очерка. Въ виду такого состоянія вопроса, толкователь Правды Русской и теперь, какъ во времена Карамзина и Каченовскаго, не имѣетъ никакого права уклоняться отъ изслѣдованія гривенной системы; ему необходимо это изслѣдованіе для того, чтобы на основаніи его высказаться такъ или иначе самому объ этомъ предметѣ и тѣмъ, устранивъ разнообразіе мнѣній писателей, открыть себѣ путь къ пониманію своего памятника; ему необходимо предпослать толкованію новый пересмотръ того матеріала, тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ можно и должно рѣшать вопросъ о деньгахъ Русской Правды. Посильный опытъ такого пересмотра я нынѣ и представляю на судъ знатоковъ дѣла.

Но вопросъ о древнерусскихъ деньгахъ вообще и о деньгахъ Русской Правды въ частности есть вопросъ сложный, многостороннiй, и потому изслѣдователю, касающемуся этого вопроса ради другой цѣли, слѣдуетъ ограничиться какою либо одною или нѣсколькими сторонами его,—именно тѣми, которыя необходимы для его цѣли, если конечно такое сбереженіе времени и труда возможно по самому существу дѣла. Какія же стороны представляетъ вопросъ о древнерусскихъ деньгахъ вообще и о деньгахъ Русской Правды въ частности? Изъ какихъ частей состоитъ эта сложная задача? Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о деньгахъ Русской Правды, изслѣдователь, посвятившій себя исключительно этой задачѣ, долженъ на основаніи источниковъ освѣтить сношенія Славянорусовъ съ иноземными народами въ данное время и именно сношенія торговыя, прослѣдить и представить ихъ развитіе, обогащающее цѣнностями внутренній оборотъ, оживляющее и, такъ сказать, ускоряющее его [7]). Далѣе изслѣдователь долженъ перейдти къ вопросу, какія деньги *могли обращаться* на Руси въ данное время: могли-ли обращаться только такія единицы, кото-

рыя сами по себѣ представляютъ цѣнности, или же и такія, которыя, не имѣя внутренней цѣнности, имѣютъ лишь номинальную цѣну. Когда торговля находится еще въ неразвитомъ состояніи, то орудіемъ обмѣна является главнымъ образомъ или исключительно, цѣнность наиболѣе употребительная, наиболѣе цѣнимая въ данномъ обществѣ; такою цѣнностью являются, напримѣръ, мѣха цѣлые или ихъ части, идущія на одежду, и т. под. Съ развитіемъ торговли, съ ея оживленіемъ дѣлается все болѣе и болѣе ощутительнымъ неудобство такихъ орудій обмѣна, а съ другой стороны развивается знакомство съ благородными металлами—преимущественно съ развитіемъ торговыхъ и иныхъ сношеній съ иноземцами, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ своихъ рудниковъ или ихъ разработки, развитіе такихъ сношеній является единственнымъ источникомъ полученія благородныхъ металловъ.

Безъ сомнѣнія, первичною формою обращенія металловъ является ихъ вѣсъ. Будучи орудіемъ оборота, металлъ является въ то же время и въ качествѣ товара; такъ, нѣмецкая *марка* [8]) первоначально означала вѣсъ 8 унцій или 16 лотовъ; между-тѣмъ уже въ половинѣ XI вѣка марка является, какъ основная единица денежной системы—въ Германіи, Франціи, Богеміи: при этомъ она и въ качествѣ оборотной цѣнности продолжаетъ употребляться по вѣсу, и это вѣсовое значеніе марка утрачиваетъ лишь мало по малу,—лишь въ послѣдствіи становится *числительною* (Zahlenmarck) и только въ этомъ качествѣ уже разнообразится въ вѣсѣ въ разныхъ странахъ и вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ [9]).

Само собою разумѣется, что подобныя измѣненія первоначальной вѣсовой единицы въ числительную (счетную) обусловливаются успѣхами торговли: вслѣдствіе большаго развитія торговыхъ оборотовъ и, такъ сказать, самой *идеи* денегъ вѣсъ къ денежнымъ расчетамъ перестаетъ примѣняться, и появляется счетная денежная единица прежде въ формѣ слитковъ изъ благородныхъ металловъ, а въ послѣдствіи и въ видѣ обыкновенной медальной моне-

ты. Въ монетномъ дѣлѣ вообще литье предшествуетъ чеканкѣ, т.-е. выдѣлкѣ, такъ сказать, медальной монеты [10]).

Какъ кажется, развитіе монетнаго дѣла также зависитъ отъ развитія внутренняго и внѣшняго рынка, и монеты наиболѣе правильной формы, съ наиболѣе опредѣленными легендами и изображеніями принадлежатъ ко временамъ большаго историческаго развитія народовъ; напротивъ, во времена болѣе отдаленныя, на сравнительно низшей ступени историческаго роста, медальная монета или вовсе не существуетъ, или же является главнымъ образомъ въ видѣ неправильныхъ кусковъ благороднаго металла съ неясными признаками принадлежности къ извѣстному времени или вовсе безъ такихъ признаковъ.

Баронъ Герберштейнъ, собравшій изустныя свѣдѣнія о монетномъ дѣлѣ въ Россіи, слышалъ объ употребленіи металлическихъ слитковъ до введенія медальной монеты, но, не видавъ самъ этихъ слитковъ и, очевидно, не понявъ дѣла, полагалъ, что до введенія той монеты, которая обращалась въ его время, въ Россіи, была въ употребленіи грубая, первобытная медальная-же монета; онъ говоритъ: «... Initio, cum *argentum in provinciam inferebatur, fundebantur portiunculae oblongae argenteae sine imagine et scriptura, estimatione unius rubli;* quarum nulla nunc apparet» [11]). Почти дословно то же извѣстіе находимъ и у Гваньина: «... Primum etenim, cum argentum ab externis ad eos (Russos) importari coeptum est, tum fundebantur portinculae oblongae argenteae sine imagine et scriptura valoris unius rubli» [12]). Употребленіе слова *portiunculae* указываетъ на то, что Герберштейнъ и Гваньинъ думали не о слиткахъ *цѣною въ рубль*, а именно о медальной монетѣ рублеваго достоинства, но тѣмъ не менѣе эти *portiunculae oblongae estimatione unius rubli* суть, очевидно, ничто иное, какъ *гривны серебра*, которыя еще въ XIV вѣкѣ, со времени введенія рублевой системы, были замѣнены *рублями*, какъ то будетъ видно изъ моего *Опыта*; объ этихъ продолговатыхъ слиткахъ и говорили

Герберштейну, но онъ, привыкши къ монетѣ медальной, понялъ, что ему говорятъ о первичной, грубой формѣ ея, о продолговатыхъ мелкихъ кускахъ серебра безъ означеній. Такъ, полагаю, можно объяснить слова обоихъ названныхъ писателей, ибо о такихъ монеткахъ, о какихъ говорятъ они, нѣтъ никакого свѣдѣнія въ русской нумизматикѣ, которая напротивъ, обладаетъ данными въ подтвержденіе мысли о знакомствѣ нашемъ съ монетнымъ дѣломъ въ болѣе древнія времена [13]).

Свидѣтельство Герберштейна, какъ и Гваньина, есть не болѣе, какъ краткій очеркъ преемственности различныхъ денежныхъ системъ въ древней Руси; въ этомъ очеркѣ говорится и о мѣхахъ, какъ объ оборотныхъ цѣнностяхъ предшествовавшихъ слиткамъ [14]), но если въ немъ обозначено время введенія медальной монеты [15]), то на смѣну мѣховъ слитками указано безъ опредѣленія времени, когда это случилось.

Изслѣдователь чешскихъ монетъ, *Фойгтъ*, описывая нумизматическія древности Богеміи, старается доказать, что монетное дѣло было извѣстно тамъ еще при герцогахъ-язычникахъ. Въ доказательство своей мысли онъ ссылается на находимые въ разныхъ мѣстахъ Богеміи кусочки благородныхъ металловъ неправильной, вогнутой формы, похожей на форму брактеатовъ, безъ легендъ и съ неясными, какъ-бы символическими изображеніями. Эти *кусочки* извѣстны въ народѣ подъ названіемъ Regenbogenschüszlein, или Regenbogenschüsselchen, а у нумизматовъ подъ различными наименованіями: *Scutellae Iridis, Asterisci, Guttae Apollinis.* Считая эти загадочные металлическіе кусочки ничѣмъ инымъ, какъ монетами древнихъ герцоговъ-язычниковъ, Фойгтъ даже описываетъ способъ ихъ производства монетчиками [16]). Впрочемъ, какъ кажется, въ виду всего того, что говоритъ тотъ-же писатель объ употребленіи въ Богеміи ранѣе XII вѣка,—когда началась тамъ разработка собственныхъ рудниковъ,—исключительно монеты иностранной или монеты по иностранному образцу, и что дѣйстви-